

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

УДК 93/94

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2026-1\(18\)-22-41](https://doi.org/10.56654/ROPI-2026-1(18)-22-41)

Исторические науки

Советская историография по вопросу влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси: эволюция подходов (1917-1953 годы)

Виталий Викторович Политов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», Москва, Российская Федерация

Государственное бюджетное образовательное учреждение «Школа № 1517», Москва, Российская Федерация

vita-politov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу советской историографии за 1917-1953 годов о влиянии монголо-татарского ига на Северо-Восточную Русь. Показана эволюция взглядов советских историков от раннего этапа марксистской школы, где было подавляющее влияние идеологических постулатов школы М.Н. Покровского и формационного подхода, к дальнейшему более глубокому осмыслению темы монголо-татарского ига в трудах таких известных исследователей как А.Н. Насонов, Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский и др. Статья отражает магистральные направления восприятия ига советскими учеными на данном этапе исторического развития, которые, несмотря на политическую конъюнктуру, сумели сохранить высокое качество и оригинальность

исследования, большую роль в чем сыграла преемственность дореволюционной историографии.

Ключевые слова: монголо-татарское иго, М.Н. Покровский, А.Н. Насонов, Б.Д. Греков, советская историография, Золотая Орда

Для цитирования: Политов В.В. Советская историография 1917-1953 гг., посвященная вопросу влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси. Россия: общество, политика, история. 2026. №1(18). С. 22-41.

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2026-1\(18\)-22-41](https://doi.org/10.56654/ROPI-2026-1(18)-22-41)

Soviet Historiography from 1917 to 1953, Devoted to the Impact of the Mongol-Tatar Yoke on the Sociopolitical Institutions of the Principalities of Northeastern Rus'

Vitaly V. Politov

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University", Moscow, Russian Federation

State Budgetary Educational Institution "School No. 1517", Moscow, Russian Federation

vita-politov@yandex.ru

Abstract. This article analyzes Soviet historiography covering the period 1917–1953, focusing on the impact of the Mongol-Tatar yoke on northeastern Rus'. It charts the evolution of Soviet historians' views from the early stages of the Marxist school, dominated by the ideological postulates of M.N. Pokrovsky and the formational approach, to a more profound understanding of the Mongol-Tatar yoke in the works of renowned researchers such as A.N. Nasonov, B.D. Grekov, A.Yu. Yakubovsky, and others. The article reflects the main approaches to the yoke's perception by Soviet scholars at this stage of historical development, who, despite the political climate, managed to maintain the high quality and originality of their research, largely thanks to the continuity of pre-revolutionary historiography.

Keywords: Mongol-Tatar yoke, M.N. Pokrovsky, A.N. Nasonov, B.D. Grekov, Soviet historiography, Golden Horde

For citation: Politov, V.V. Soviet Historiography 1917-1953, Devoted to the Impact of the Mongol-Tatar Yoke on the Sociopolitical Institutions of the Principalities of Northeastern Rus'. Russia: Society, Politics, History. 2026. No. 1(18). pp. 22-41.

Введение

В послереволюционный период советская историография начала развиваться в соответствии с марксистской концепцией и формационным подходом, уделяющим первоочередное значение классовой борьбе, способу производства материальных благ и производственным отношениям. Этот подход сказался в итоге и на специфическом отношении советских ученых к монголо-татарскому игу и его роли в истории Русского государства. В основу этой концепции, разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом, был положен диалектический метод познания закономерностей общественной жизни. Производственные отношения имели наиболее значимую ценность и определяли собой все остальные: политические, духовные, социокультурные и т.д. Национальные, этнические, региональные черты часто игнорировались в угоду формационного подхода (14, с. 92).

Общество в соответствии с этим подходом прогрессивно развивается от более низких к более высоким формам через смену общественно-экономических формаций. Окончательное оформление марксистского направления в русской исторической науке связано с работами В.И. Ленина 1890-х годов и начала XX века, которые служили обязательным ориентиром для историков и пользовались непререкаемым авторитетом (12, с. 8-9). Марксизм из разряда науки был фактически переведен в разряд идеологии, заняв центральное место на службе коммунистического государственного правления. Другим важным принципом марксистского метода был принцип партийности, который сыграл свою негативную роль в ограниченном подходе к решению вопроса о влиянии ига на Русь (12, с. 11).

Тотальная идеологизация в Советском Союзе препятствовала глубокому анализу духовных сторон жизни в истории Северо-Восточной Руси, выразителями которой были ментальность, этнопсихология, религиозность и т.д. (7, с. 41) Несмотря на это, советская историческая школа прошла важный этап в осмыслении причин и последствий ига для судеб Северо-Восточной

Руси, дала целую плеяду известных ученых, концепции которых играют значимую роль в современной науке.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на анализе определенного комплекса советской историографии в период 1917-1953 годов, описывающей те или иные аспекты влияния монголо-татарского ига на Северо-Восточную Русь: политические, экономические, культурные, ментальные и другие. Данная научная литература представлена работами видных ученых советского времени, оставивших свой заметный след в исследовании указанной проблемы. К исследованию привлекались также личные фонды историков из архива РАН, а также материалы дискуссий 1930-1940-х годов в секторе феодализма Института истории АН СССР.

Результаты исследования

Вопрос о влиянии монголо-татарского ига на жизнь княжеств Северо-Восточной Руси историки марксистской школы рассматривали через призму социально-экономических факторов развития государства. Одним из существенных выражений этого фактора для историков-марксистов было усиление восточной торговли в условиях ордынской зависимости, восстановление товарного хозяйства, становление новой системы налоговых сборов, перемещение мировых торговых путей, о чем упоминал в своих дореволюционных трудах М.Н. Покровский. Как заметил казанский исследователь И.П. Ермолаев, советская концепция исторического развития Северо-Восточной Руси страдала некоторой однообразностью, которая проявлялась в чрезмерно большом внимании к роли классовой борьбы в истории становления самодержавия, к определяющему значению в историческом процессе деятельности широких народных масс (10, с. 295). Но, несмотря на прямолинейность марксистского подхода к изучению исторических процессов, советские исследователи внесли существенный вклад в разработку данной проблемы, умело обходя идеологические препоны.

Характерной особенностью советской историографии начального периода стала резко негативная оценка роли монголо-татарского ига

в развитии Русского государства. Другой особенностью было возвеличивание роли Александра Невского в укреплении русской государственности, хотя до этого некоторые историки-марксисты делали попытки обвинить его в коллаборационизме. Все дореволюционные наработки буржуазных историков подвергались ревизии, говорилось о том, что на исходе XIX столетия буржуазная историография оказалась в кризисе, ее теоретико-методологические принципы провозглашались «несостоятельными» (10, с. 12-13). Марксизм не признавал возможности преемственности от науки дореволюционной, но, по существу, традиция продолжала существовать на протяжении нескольких десятилетий после революции, в трудах наследников «буржуазной истории», причем их профессиональный уровень не вызывал сомнений (27, с. 51-60).

Отказ С.М. Соловьева от взгляда на ханскую власть как организующую силу советская историография восприняла положительно, но критически отнеслась к его недооценке негативного значения монголо-татарского ига и идеалистической концепции, считавшей решающей силой исторического процесса эволюцию государства, стоящего над классами и осуществляющего общее благо (6, с. 763). Отрицательной оценке подверглись и взгляды В.О. Ключевского, который, признавая положительную роль татаро-монгольского ига в преодолении феодальной раздробленности и создании централизованной системы управления, сближается в своих построениях с концепцией Н.И. Костомарова (6, с. 765).

В конце XIX века появились дореволюционные работы первых историков-марксистов, рассматривающих в своих трудах «татарский вопрос». Стоявший у истоков российского марксизма и впоследствии изменивший свои политические взгляды на философский идеализм и даже либеральный консерватизм П.Б. Струве (1870-1944) выделял характерной чертой монгольского владычества отсутствие стремления обратить покоренные народы в свою веру или ассимилировать их каким-либо образом (23, с. 97-98).

Российский и советский востоковед В.В. Бартольд (1869-1930) попытался опротестовать официально утвердившуюся точку зрения об отрицательной роли монгольского владычества над Русью. Он был одним из первых исследователей «татарского вопроса» в начале XX века, который обратил внимание на культурную отсталость России по сравнению с Западом ко

времени нашествия, о чем свидетельствует тот факт, что образование Монгольской империи не вызвало в России, как в Западной Европе, расширения географического кругозора. Историк отмечает, что в русской литературе нет ни одного описания путей в Монголию и Китай, отсутствуют сведения о дворе монгольских императоров, устройстве Монгольской империи, крайне скудны сведения о местоположении и внешнем виде основных городов Золотой Орды. Эти сведения, по мнению ученого, не выдерживают никакого сравнения со сведениями западноевропейских и мусульманских путешественников (4, с. 171). Фактически В.В. Бартольд так и не принял марксизм.

Особое место в разработке вопроса о монголо-татарском влиянии на Русь принадлежит трудам М.Н. Покровского (1868-1932). Его заметное влияние в исторической науке 1920-х годов было связано в числе прочего с тем, что он совмещал научную работу с важными административными постами – заместитель наркома по просвещению, председатель Государственного ученого совета, председатель президиума Социалистической (Коммунистической) академии, ректор Института красной профессуры, действительный член Академии наук СССР. М.Н. Покровского по праву называли «руководителем исторического фронта» (22, с. 266-267). Однако, по мнению Е.В. Гутновой, он сыграл и негативную роль в развитии исторической науки конца 1920-х начала 1930-х годов. Его решительный отказ от наследия дореволюционных историков сказался отрицательно на дальнейшем развитии исторических исследований (8, с. 96).

Основополагающий труд М.Н. Покровского «Русская история с древнейших времен» (19) излагает в марксистском ключе русскую историю до конца XIX века с позиций материализма. На основе этого труда создавались учебники по истории СССР вплоть до смерти автора, когда его научное наследие подверглось ревизии со стороны официальных властей. Это была первая попытка систематического изложения истории России с классовой, пролетарской точки зрения. М.Н. Покровский утверждал, что процесс разложения городской Руси начался еще задолго до монголо-татар и возник в силу местных экономических условий. Здесь мы видим влияние концепции С.М. Соловьева на его восприятие последствий ига.

После смерти М.Н. Покровского его взгляды подверглись резкой критике, особенно его указание на внесение монголо-татарами такого прогрессивного

начала в жизнь Русского государства как финансовая организация, одним из элементов которой было создание податной системы. По мнению А.Н. Насонова, М.Н. Покровский совершенно игнорировал губительные последствия, которыми сопровождалось для экономики и культуры России ордынское завоевание (16).

Н.А. Рожков (1868-1927), наряду с М.Н. Покровским, был одним из первых российских ученых, которые рассматривали отечественную историю с марксистских позиций, но вопрос о татаро-монгольском воздействии на Русь у него был отражен уже в послереволюционных работах. Интерес Н.А. Рожкова к экономическим проблемам был связан с влиянием школы его учителя В.О. Ключевского, который, как известно, увлекался теориями позитивизма и экономизма (12, с. 216). В то же время, работы Н.А. Рожкова нельзя назвать ортодоксально марксистскими в строгом смысле этого слова, из-за чего у него было много разногласий с большевиками.

Н.А. Рожков принципиально по-иному, нежели М.Н. Покровский, оценивает возможность влияния ига на финансовую, административную и судебную систему. По мнению ученого, установленные монголами перепись населения и сбор дани не повлияли на московскую писцовую и податную технику: сама дань существовала и до монголо-татар, а после нашествия лишь увеличилась в размерах и получила иное назначение – сбор стал передаваться не князьям, а ханам. Единственным оригинальным влиянием в области духовной культуры историк признает влияние татарского языка на русский, но и здесь все ограничивалось лексикологическими заимствованиями, не повлиявшими на строй речи (21, с. 86-87).

В первые пятнадцать лет существования советской власти разделы исторической науки, которые не занимались характеристикой большевистского режима, были относительно свободны. В 1920-х годах еще можно было не соглашаться с тем, что монгольские хозяева Руси выступали носителями только дикости и варварства. В 1919–1921 годах, в суровых условиях гражданской войны и эпидемии холеры, археолог Ф.В. Баллод (1882-1947) провел масштабные раскопки в районе Нижней Волги. Сделанные находки убедили его в том, что представления русских ученых об Орде во многом были ошибочны. В опубликованной в 1923 году книге «Приволжские “Помпеи”» он писал: «[Проведенные изыскания показывают, что] в Золотой Орде второй половины XIII–XIV веков жили вовсе не дикари,

но цивилизованные люди, занимавшиеся мануфактурным производством и торговлей и поддерживавшие дипломатические отношения с народами Востока и Запада. [...] Военные успехи татар объясняются не только присущим им боевым духом и совершенством организации армии, но и их очевидно высоким уровнем культурного развития» (3, с. 131). Подобный взгляд на Золотую Орду был абсолютно неприемлем в официальной советской науке в дальнейшем.

Советская историография 1930-х годов уже более негативно, чем в относительно демократичные 20-е годы XX века, воспринимала концепцию Н.М. Карамзина и его последователя Н.И. Костомарова об организующей роли в политическом объединении Руси золотоордынской власти. Советские историки утверждали, что Русское централизованное государство создавалось не благодаря татаро-монголам, а вопреки политике Золотой Орды, которая была направлена к ослаблению и разъединению Руси. Необходимость борьбы с внешней опасностью ускорила централизацию Северо-Восточной Руси (6, с. 761-762). Характерен был лозунг о том, что монголы не принесли в развитие России ничего позитивного. Появившийся в конце 1920-х - начале 1930-х годов формационно-классовый подход фактически пересекался с европоцентристским подходом.

Начало 1930-х годов было отмечено арестом большой группы историков, многие из которых занимались Средневековой Русью и «татарским вопросом»: С.Ф. Платонов, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, М.К. Любавский, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин и другие. Значимую роль в дальнейшем развитии исторической науки сыграло постановление 1934 года «О преподавании гражданской истории в школе», в результате которого на первый план в работах историков стала выдвигаться воспитательная функция. Гонения на историческую науку усилились после смерти С.М. Кирова в 1934 году (15, с. 69). Ориентация на сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», вышедший в 1938 году, подразумевала постоянную самоцензуру историков, необходимость делать в своих трудах опору на классиков марксизма-ленинизма, догматизм в дискуссиях, ограниченный круг допустимых тем (9, с. 166). Эти события нанесли большой вред дальнейшей разработке вопроса о влиянии ордынского владычества на Русь.

В ходе работы с архивом сектора феодализма института истории АН СССР мы извлекли доклад С.В. Бахрушина (1882-1950) за 1937 год, в котором

содержатся интересные выводы историка о монголо-татарском влиянии. Всю терминологию золотоордынских документов С.В. Бахрушин определяет как заимствованную из Ирана и Хорезма. Поэтому ханы применяли на Руси иранские формы обложения, которые являлись продолжением финансовой системы среднеазиатских государств. Участвуя в кампании по критике М.Н. Покровского, историк отмечал, что корни складывания государственности брали свое начало в доордынский период, соглашаясь в этом с С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским. Также и вопрос великокняжеской власти, по его мнению, более решался не волей хана, но местным населением (18).

Н.К. Арзютов (1899-1942), как и Н.А. Рожков, особую роль в монгольский период отводил торговле и даже называл Золотую Орду «державой купцов» (18). Разработка данной проблематики была прервана арестом историка в 1938 году и его ссылкой в исправительно-трудовой лагерь, где он скончался в 1942 году.

Советская историография 1930-х – 1940-х годов по вопросу ордынского владычества обогатилась благодаря появлению новых источников: в 1937 году был опубликован сборник «История Татарии в документах и материалах» (11); в 1940 году – известия о монголо-татарах венгерских миссионеров XIII века Юлиана и «брата Иоганки» (1); в 1941 году – «Сокровенное сказание» в переводе С.А. Козина (13); сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Г. Тизенгаузена – ценнейшее собрание восточных источников (25). Колоссальная работа, проведенная советскими историками-востоковедами по переводу восточных рукописей, позволила на новой научно-методической основе разрабатывать вопросы, связанные с влиянием ордынского владычества.

Академик Б.Я. Владимирцов (1884-1931) был знатоком монгольских источников, на основании чего ему удалось критически переосмыслить многие неточные или вымышленные сведения, содержащиеся в русских летописях. Он отмечал особую форму общественного строя монголов – кочевой феодализм, основу которого составляла феодальная собственность на степные пастбища (5). Но, как считает А.Н. Насонов, «кочевой феодализм» монголов не являлся устойчивой государственной структурой и в итоге не смог сохранить единства самой Золотой Орды, а уж тем более повлиять на складывание единого Русского централизованного государства» (17, с. 117).

Анализу взаимоотношений Руси и Орды уделил большое внимание А.Н. Насонов (1898-1965) в вышедшей в 1940 г. монографии «Монголы и Русь». А.Н. Насонов одним из первых поднял вопрос об активной политике монголо-татар на Руси, основная линия которых выражалась в стремлении всячески препятствовать созданию единого государства, поддерживать взаимную рознь политических групп и княжеств (17, с. 111).

Мысль А.Н. Насонова о влиянии монголо-татарского владычества на вечевые институты прослеживается в рукописи тезисов кандидатской диссертации историка, хранящейся в архиве РАН: «Конечно, если бы не было татарского завоевания, вечевая жизнь не осталась бы на Северо-Востоке такой, какой она была до татар, а как-то эволюционировала бы в соответствии с общим развитием страны; то есть разница в судьбах вечевой жизни в странах, завоеванных татарами и в странах, не завоеванных показывает, что татарское иго делало в этом направлении какое-то воздействие» (24). Ценность личных документов объясняется тем, что в них историки излагали мысли, которых они не могли публиковать в официальных монографиях. Историк считал крайностями как придание большого значения ордынскому игу у Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, Ф.И. Леонтовича, так и полное его отрицание у С.М. Соловьева и некоторых других историков.

Несмотря на наличие устоявшейся концепции в освещении «татарского вопроса» в советской историографии, не столь редки были определенные споры и полемика, что прослеживается на анализе материалов дискуссий 1930-1940-х гг. в секторе феодализма Института истории АН СССР. Так, К.В. Базилевич (1892-1950) выступил против позиции П.П. Смирнова (1882-1947) о том, что монголо-татарское иго заставило поднять производительные силы и укрепить политическое положение московского великого князя. Главным образом этот подъем П.П. Смирнов связывал с образованием на территории Московского княжества в первой половине XIV века района прогрессивного земледелия. Надо признать, что позиция П.П. Смирнова явно выступала против устоявшейся линии в восприятии ига и не могла иметь успеха в то время (2, с. 32).

В условиях военного времени советская идеологическая машина работала на пропаганду самоотверженной борьбы с немецким вторжением. Ученые поднимали на щит исторические портреты, которые стали образцами, воспитывавшими в советском бойце чувство патриотизма на фронте. В пылу

этой работы в разряд «врагов» попали и некоторые народы, подвергшиеся депортации, в том числе и крымские татары. В этой связи советская историография резко негативно воспринимала вторжение монголо-татар на Русь и установление ига. В 1944 году вышло постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и методах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (26, с. 37). Партийным руководителям Татарстана был устроен разнос из Москвы, вследствие чего изучение истории Золотой Орды было фактически поставлено под запрет. Улус Джучи объявлялся исключительно агрессивным государством, а распад Золотой Орды понимался как однозначно прогрессивное явление.

Послевоенное десятилетие характеризуется продолжением применения командно-административных методов в науке, критики неугодных историков и концепций в печати, обвинений в «объективизме», «космополитизме», «эволюционизме», «вредительстве», «низкопоклонстве», «экономическом материализме» и т.д. (9, с. 173) Несмотря на тяжелые последствия этих явлений для исторической науки, Б.Д. Греков (1882-1953) совместно с А.Ю. Якубовским (1886-1953) смогли создать фундаментальное исследование по Золотой Орде, которое на долгие годы стало определяющим для последующих исследований в этой области. Книга «Золотая Орда и ее падение» была написана на основе серьезного анализа как русских летописей, так и восточных источников, что придает работе особую ценность. Впервые выйдя из печати в 1937 году, она несколько раз переиздавалась и в законченном варианте была издана уже после войны в 1950 году, за что Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский получили Сталинскую премию II степени в 1952 году (20, с. 192-197).

Б.Д. Греков считал, что завоеванные монголо-татарами русские земли не вошли непосредственно в состав Золотой Орды. В настоящее время эта точка зрения признана большинством ученых. Русские земли рассматривались ханами как политически автономные, имеющие свою собственную власть, но находящиеся в зависимости от ханов и обязанные платить дань («выход»). Как отмечает В.В. Трепавлов, до конца 80-х годов историография «татарского вопроса» находилась под влиянием идеологических схем А.Ю. Якубовского и Б.Д. Грекова, причем качество этих схем было на высоком уровне.

Выводы

Таким образом, концепции историков советского периода о влиянии монголо-татарского ига на Русь не были едиными в 1917-1953 годы, но испытывали воздействие марксистской методологии, проводившей универсальную концепцию в понимании татарского вопроса. До начала 1930-х годов в советской исторической науке главным авторитетом признавался М.Н. Покровский, научные выводы которого были непоколебимы. Подход М.Н. Покровского к вопросу о монголо-татарском воздействии, в связи с этим, признавался за определенного рода идеальную модель. Но 20-е годы XX века были также временем относительного плюрализма в науке, когда политика еще не проникла окончательно в теоретические построения историков. Были и убежденные историки-марксисты, которые вопрос об ордынском влиянии подавали в преимущественно экономическом ключе, как, например, Н.А. Рожков. Но даже в условиях идеологического диктата в науке, который получил свое развитие после смерти М.Н. Покровского, в трудах большинства ученых, касавшихся роли ордынского владычества в истории Северо-Восточной Руси, мы видим скрытое развитие тезисов «государственной школы» С.М. Соловьева о том, что многие социально-политические процессы на Руси существовали до монголо-татар: централизация, передача власти по наследству, формирование податной системы и т.д. Эти выводы были присущи в большей или меньшей степени Н.А. Рожкову, А.Н. Насонову, Б.Д. Грекову и другим ученым. Негативную роль в политизации исторической науки сыграл вышедший в 1938 году «Краткий курс истории ВКП(б)», после чего началась активная критика исторической концепции М.Н. Покровского. Советская историография указанного периода отличалась в целом общим подходом и к вопросу об уничтожении вечевых институтов монголами. Слабая разработка вопроса о влиянии в культуре опирается на три существенные проблемы: отсутствие соответствующих источников, которые можно бы сопоставить с золотоордынской эпохой, скептическое отношение ученых к возможности рецепции элементов культуры Золотой Орды на русской почве и значительное удаление от Северо-Восточной Руси ареала проживания кипчакского этноса, что практически не подразумевало их прямого контакта. В целом, необходимо отметить преобладающее господство официальной точки зрения в советской историографии

о решительном воздействии татаро-монгольского владычества на русскую историю в трудах М.Н. Покровского, А.Н. Насонова, Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского и других исследователей.

Список источников

1. Аннинский С.А. (1940), Известия венгерских миссионеров XIII в. о татарах и Восточной Европе [Reports of 13th-century Hungarian missionaries about the Tatars and Eastern Europe]. В сборнике: Исторический архив. Т. 3. С. 71-112.
2. Базилевич К.В. (1946), К вопросу об исторических условиях образования русского государства [On the question of the historical conditions of the formation of the Russian state]. Вопросы Истории. № 7. С. 32.
3. Баллод Ф.В. (1923), Приволжские «Помпеи» [Volga Region «Pompeii»]. Москва; Петроград: Государственное изд-во (Госиздат). 132 с.
4. Бартольд В.В. (1925), История изучения Востока в Европе и России [History of Oriental Studies in Europe and Russia]. Ленинград: Ленинградский институт живых восточных языков. 318 с.
5. Владимирцов Б.Я. (1934), Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм [Social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 223 с.
6. Греков Б.Д. (1953), Очерки истории СССР [Essays on the History of the USSR]. Ч. 1. IX-XIII вв. Москва: Издательство Академии Наук СССР. 984 с.
7. Гуревич А.Я. (1990), Теория формаций и реальность истории [Theory of Formations and the Reality of History]. Вопросы философии. № 11. С. 31-43.
8. Гутнова Е.В. (1990), Выступление за «круглым столом» научного совета по историографии и источниковедению «Историческая наука в 20-30-е годы» [Presentation at the round table of the Scientific Council on Historiography and Source Studies «Historical Science in the 1920s and 1930s»]. В сборнике: История и историки. С. 96.

9. Гутнова Е.В. (1990), Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х гг. [Presentation at the round table of the Scientific Council on Historiography and Source Studies «Historical Science in the 1920s and 1930s»]. В сборнике: История и историки. С. 166.
10. Ермолаев И.П. (2004), Становление российского самодержавия [The formation of Russian autocracy]. Казань: Издательство Казанского университета. 392 с.
11. История Татарии в документах и материалах (1937), [History of Tataria in documents and materials]. Москва: Гос. социально-экономическое изд-во. 503 с.
12. Ковальченко И.Д. (1985), Сборник материалов по истории исторической науки в СССР [Collection of materials on the history of historical science in the USSR]. Москва: Высшая школа. 303 с.
13. Козин С.А. (1941), Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. [The Secret Tale. Mongolian Chronicle, 1240]. Т. 1. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 620 с.
14. Кривошеев Ю.В. (1996), К историософии средневековой Руси в XX в. [Towards the historiosophy of medieval Rus' in the 20th century]. В сборнике: Средневековая и новая Россия. С. 92.
15. Мошков Ю.А. (1990), Выступление за «к р у г л ы м столом» научного совета по историографии и источниковедению «Историческая наука в 20-30-е годы» [Presentation at the round table of the Scientific Council on Historiography and Source Studies «Historical Science in the 1920s and 1930s»]. В сборнике: История и историки. С. 69.
16. Насонов А.Н. (1939-1940), Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского [The Tatar yoke in Rus' as described by M.N. Pokrovsky] В сборнике: Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Ч. 2. С. 59.
17. Насонов А.Н. (1940), Монголы и Русь. История татарской политики на Руси [The Mongols and Rus': A History of Tatar Policy in Rus']. Москва: Издательство Академии Наук СССР. 178 с.
18. Научный архив Института российской истории РАН. Стенограмма. Доклад тов. Бахрушина 27 октября 1937 года «Феодальный период в освещении М.Н. Покровского». [Comrade Bakhrushin's report of

- October 27, 1937, «The Feudal Period as Viewed by M.N. Pokrovsky»]
Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 39-66.
19. Покровский М.Н. (1913), Русская история с древнейших времен [Russian history from ancient times]. Т. I. Кн. 1-2. Москва: Изд-во Т-ва «Мир». 365 с.
 20. Политов В.В. (2014), «Полагаю, что труд «Золотая Орда и ее падение» заслуживает Сталинской премии». Отзыв А.Н. Насонова о монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского. 1951 г. [«I believe that the work 'The Golden Horde and Its Fall' deserves the Stalin Prize.» Review by A.N. Nasonov of the monograph by B.D. Grekov and A.Yu. Yakubovsky. 1951.]. Исторический архив. № 2. С. 192-197.
 21. Рожков Н.А. (1936), Татарское иго [Tatar yoke]. В сборнике: Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 41. Ч. VII. С. 86-87.
 22. Соколов О.Д. (1970), М.Н. Покровский и советская историческая наука [M.N. Pokrovsky and Soviet historical science]. Москва: Мысль. 276 с.
 23. Струве П.Б. (1952), Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности [The social and economic history of Russia from ancient times to the present day in connection with the development of Russian culture and the growth of Russian statehood]. Париж: YMCA-PRESS. 387 с.
 24. Тезисы к диссертации А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси» [Abstract for A.N. Nasonov's dissertation «The Mongols and Rus'. The History of Tatar Policy in Rus'»]. Архив РАН. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 92.
 25. Тизенгаузен В.Г. (1941), Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды [A collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Т. 2. Извлечение из персидских сочинений. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 308 с.
 26. Хаким Р.С. (1997), Россия и Татарстан: у исторического перекрестка [Russia and Tatarstan: at a historic crossroads]. Панорама-Форум. № 1. С. 37.

27. Ястребицкая А.Л. (1992), Историография и история культуры [Historiography and cultural history]. Одиссей. Человек в истории. С. 51-60.

References

1. Anninsky, S.A. (1940), Reports of 13th-century Hungarian missionaries about the Tatars and Eastern Europe. In: Historical Archive. Vol. 3. pp. 71–112. (In Russian)
2. Bazilevich, K.V. (1946), On the question of the historical conditions of the formation of the Russian state. Questions of History. No. 7. p. 32. (In Russian)
3. Ballod, F.V. (1923), Volga Region «Pompeii». Moscow; Petrograd: State Publishing House (Gosizdat). 132 p. (In Russian)
4. Bartold, V.V. (1925), History of Oriental Studies in Europe and Russia. Leningrad: Leningrad Institute of Living Eastern Languages. 318 p. (In Russian)
5. Vladimirtsov, B. Ya. (1934), Social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 223 p. (In Russian)
6. Grekov, B. D. (1953), Essays on the History of the USSR. Part 1. 9th-13th centuries. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 984 p. (In Russian)
7. Gurevich, A. Ya. (1990), Theory of Formations and the Reality of History. Voprosy filosofii. No. 11. pp. 31-43. (In Russian)
8. Gutnova, E.V. (1990), Presentation at the round table of the Scientific Council on Historiography and Source Studies «Historical Science in the 1920s and 1930s». In the collection: History and historians. P. 96. (In Russian)
9. Gutnova, E.V. (1990), Soviet medieval studies from the mid-1930s to the end of the 1960s. [Presentation at the round table of the Scientific Council on Historiography and Source Studies «Historical Science in the 1920s and 1930s»]. In the collection: History and historians. P. 166. (In Russian)
10. Ermolaev, I.P. (2004), The formation of Russian autocracy. Kazan: Kazan University Publishing House. 392 p. (In Russian)

11. History of Tataria in documents and materials (1937). Moscow: State Social and Economic Publishing House. 503 p. (In Russian)
12. Kovalchenko, I.D. (1985), Collection of materials on the history of historical science in the USSR. Moscow: Vysshaya shkola. 303 p. (In Russian)
13. Kozin, S.A. (1941), The Secret Tale. Mongolian Chronicle, 1240. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 620 p. (In Russian)
14. Krivosheev, Yu.V. (1996), On the historiography of medieval Rus' in the 20th century. [Towards the historiography of medieval Rus' in the 20th century]. In the collection: Medieval and New Russia. P. 92. (In Russian)
15. Moshkov, Yu.A. (1990), Presentation at the round table of the Scientific Council on Historiography and Source Studies «Historical Science in the 1920s and 1930s». In the collection: History and Historians. P. 69. (In Russian)
16. Nasonov, A.N. (1939-1940), The Tatar Yoke in Rus' as Described by M. N. Pokrovsky. In the collection: Against the Anti-Marxist Concept of M. N. Pokrovsky. Part 2. P. 59. (In Russian)
17. Nasonov, A.N. (1940), The Mongols and Rus': A History of Tatar Policy in Rus'. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 178 p. (In Russian)
18. Scientific Archives of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Transcript. Comrade Bakhrushin's report of October 27, 1937, «The Feudal Period as Viewed by M.N. Pokrovsky» F. 1. Op. 1. D. 3. L. 39-66. (In Russian)
19. Pokrovsky, M.N. (1913), Russian history from ancient times. Vol. I, Book 1-2. Moscow: Mir Publishing House. 365 p. (In Russian)
20. Politov, V.V. (2014), «I believe that the work 'The Golden Horde and Its Fall' deserves the Stalin Prize.» Review by A.N. Nasonov of the monograph by B.D. Grekov and A.Yu. Yakubovsky. 1951.]. Istorichesky arkhiv. No. 2. Pp. 192-197. (In Russian)
21. Rozhkov, N.A. (1936), Tatar yoke [Tatar yoke]. In the collection: Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute of Granat. Vol. 41. Part VII. P. 86-87. (In Russian)

22. Sokolov, O.D. (1970), M. N. Pokrovsky and Soviet historical science. Moscow: Mysl'. 276 p. (In Russian)
23. Struve, P.B. (1952), The social and economic history of Russia from ancient times to the present day in connection with the development of Russian culture and the growth of Russian statehood. Paris: YMCA-PRESS. 387 p. (In Russian)
24. Abstract for A.N. Nasonov's dissertation «The Mongols and Rus'. The History of Tatar Policy in Rus'». Archives of the Russian Academy of Sciences. Fund 1547, Op. 1, D. 92. (In Russian)
25. Tiesenhausen, V.G. (1941), A collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 2. Extract from Persian works. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 308 p. (In Russian)
26. Khakim, R.S. (1997), Russia and Tatarstan: at a historic crossroads. Panorama-Forum. No. 1. P. 37. (In Russian)
27. Yastrebitskaia, A.L. (1992), Historiography and cultural history. Odysseus. Man in History. P. 51-60. (In Russian)

Информация об авторе

ПОЛИТОВ Виталий Викторович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», преподаватель Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Школа № 1517», Москва, Российская Федерация. E-mail: vita-politov@yandex.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.12.2025. Одобрена после рецензирования: 29.01.2026. Принята к публикации: 02.03.2026. Опубликовано: 06.04.2026.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Vitaly V. POLITOV, CandSc (Hist.), Lecturer of Department of Historical Sciences and Archives Studies, Institute of Humanities and Applied Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow State Linguistic University”, teacher of State Budgetary Educational Institution “School No. 1517”, Moscow, Russian Federation. E-mail: vita-politov@yandex.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 25.12.2025. Approved after peer review: 29.01.2026. Accepted for publication: 02.03.2026. Published: 06.04.2026.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.